

10. В XX в. модернизационные процессы вовлекли татар в крупные миграционные перемещения. Оказавшись в рассеянии, они довольно быстро русифицировались. В 1989 г. только 3% татар, живших в Татарстане, и около 7%, живших в Башкирии, считали своим родным языком русский. Но среди татар, живших за пределами этих двух автономий, доля тех, для кого русский язык был родным, повышалась до 25–26%. При микропереписи 1994 г. 388 из каждой 1000 опрошенных живущих в России татар сказали, что они пользуются русским языком дома, 862 из каждой тысячи учащихся — в учебном заведении, 793 из каждой тысячи работающих — на работе. (См.: Вишневецкий А. С. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // *Общественные науки и современность*. 2000. № 3. С. 126). См. также: Гарифулин И. Б. *Очерки истории татарского населения Тюменской области*. Тюмень, 2000. С. 186–187; Хайруллина Н. Г. *Указ соч.* С. 588.
11. АТОУС. *Естественное движение населения в 1989 г. по брачности*. С. 25, 30, 61, 73, 74.
12. Селезнев А. Г., Малхасьян А. В. *Динамика брачной структуры татар Салехарда // Тюркские народы*. С. 566–567.
13. АТОУС. *Естественное движение населения в 1989 г. по брачности*. С. 42–45.
14. АТОУС. *Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области (по данным микропереписи 1994 года)*. Т. 2.
15. Гарифуллин И. Б. *Социально-демографическое развитие татарского населения Тюменской области в годы освоения Севера (1960–1996 гг.)*. С. 10.
16. *Тюменские известия*. 2002. 9 октября.
17. *Миграция населения Тюменской области за 1992–1995 годы*. (Статистический бюллетень). Тюмень, б. г. С. 79.
18. Исхакова С. М., Валеев Ф. А. *Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения*. М., 1996. С. 3.
19. Хайруллина Н. Г. *Указ соч.* С. 586.
20. *Тюменская правда*. 1988. 2 июня; *Тюмень литературная*. 1990. № 3–4.
21. См.: Валеев Ф.-Т. *Сибирские татары: культура и быт*. Казань, 1992.
22. Исхаков Д. М. *Проблемы становления и трансформации татарской нации*. Казань, 1997. С. 95.
23. *Программа, устав ассоциации татар Тюменской области // Янарыш*. 1990. 24 ноября.
24. Исхакова С. М., Валеев Ф. А. *Указ соч.* С. 9–10.
25. Исхаков Д. М. *Проблемы становления и трансформации татарской нации*. С. 106.
26. Леонова А. В. *Особенности развития национальной культуры у сибирских татар в 1970–1990-е гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук*. Омск, 2000. С. 18.
27. Мусина Р. Н. *К вопросу о месте и роли религии в жизни современных татар (по материалам этносоциологических исследований в Татарстане) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан*. Вып.1. Казань, 1992. С. 59.
28. См.: *Тюменские известия*. 2003. 20 июня.

Галина Михайловна ЗАБОЛОННАЯ —
профессор кафедры политологии
факультета истории и политических наук,
доктор социологических наук

УДК 32 (570.12)

СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В ТЮМЕНСКОМ РЕГИОНЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются этапы и проблемы формирования партий в Тюменском регионе. Автор исследует их реальное положение в региональной политической жизни, определяет факторы, сдерживающие развитие многопартийности.

The author tackles problems connected with party system construction in Tyumen region, considers the place of parties in regional political life, and defines factors that hold back the development of a multiparty system.

Вопрос о развитии многопартийности в регионах занимает важное место в дискуссиях о характере и перспективах современного российского политического процесса. В теориях демократии политическим партиям отводится важная роль в активизации гражданской инициативы населения, в артикуляции и представительстве его интересов, в определении программ развития общества. Партии выполняют посреднические функции во взаимодействиях граждан и государства: они берут на себя «право» говорить от имени социальных групп и «обязанность» транслировать их интересы в структуры власти и принимаемые ею решения. В современной российской практике дело обстоит иначе. Оценивая российские партии и сложившуюся многопартийность, большинство аналитиков сходятся в том, что они не соответствуют идеальным типам. Еще в большей степени подобная оценка распространяется на многопартийность, сложившуюся на региональном и местном уровне. Здесь процесс формирования партийных систем более противоречив и значительно отстает от развития общенациональной многопартийности.

Данная статья представляет собой анализ отдельных проблем развития многопартийности в Тюменской области, включая два автономных округа — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Ее информационной базой стали данные управлений Министерства юстиции РФ по Тюменской области, а также автономным округам о зарегистрированных общественных организациях, документация областной и окружных избирательных комиссий.

Процесс либерализации советской политической системы, отказ от жесткой регламентации активности в публичной сфере, всплеск общественной инициативы населения дали импульс развитию общественно-политического сектора гражданского общества в регионе. Это развитие осуществлялось несколькими путями. Первый был реализован в создании демократически настроенных общественно-политических движений, которые, как часто было в этот период, называли себя «фронтами». В 1989–1990 гг. подобные объединения были зарегистрированы в ряде городов тогда еще единой Тюменской области. В частности, в областном центре активно действовали «Народный фронт», «Фронт перестройки» и «Объединенный фронт трудящихся». Объединяя в своих рядах представителей интеллигенции и высококвалифицированных рабочих, эти организации ставили своей целью содействовать демократическим и экономическим реформам, развитию гражданских инициатив. Хотя фронты занимали «проперестроечную» позицию (например, Тюменский Народный Фронт на своем учредительной конференции в январе 1989 г. призвал население поддержать перестройку и объединиться на основе принципов, провозглашенных XXVII съездом КПСС и XIX партконференции [1. С. 154]), фактически они выступали силой, находящейся в оппозиции к местной партийной номенклатуре, вызвав настороженное отношение к себе последней. Политический потенциал фронтов был реализован в митингах и непосредственном участии в выборах народных депутатов СССР (1989 г.), а позже РСФСР (1990 г.) и местных советов.

Второй путь был связан с трансформацией самой КПСС, когда в ее рядах оформились разные течения. Либерально настроенная часть коммунистов объединилась в «Демократическую платформу в КПСС», а позже в Республиканскую партию Российской Федерации. Тюменские коммунисты также не остались в стороне от этих процессов. Напротив, более радикально настроенные коммунисты создали собственные объединения. Одно из них позже оформилась в РКРП — Российскую коммунистическую рабочую партию, которая в последующие годы сумела завоевать стабильные позиции в левом спектре партийного пространства на юге области. Третий путь был реализован в создании в регионе отделений организаций, не только находящихся в оппозиции к КПСС, но и в целом занимающих антисоциалистическую позицию. Так, во второй половине 1990 г. в Тюмени стали активно

действовать «Демократический союз» и ряд других организаций радикально-либеральной направленности. Наконец, вступивший в действие с 1991 г. закон «Об общественных объединениях» дал официальную возможность для создания и деятельности политических партий и общественных организаций.

Отметим, что в этот период демократические идеи обладали значительным мобилизационным влиянием на население. Об этом свидетельствуют не только появление новых общественно-политических движений и разнообразных гражданских ассоциаций (правозащитных, ветеранских, национальных), но и результаты голосования на общенациональных референдумах и выборах. Несмотря на экономические трудности, общественное настроение в 1989–1991 гг. вписывалось в модель «революции ожиданий», для которой были характерны массовая вера в возможность быстрого модернизационного рывка к эффективной рыночной и политической системе, завышенные надежды относительно достижения западных стандартов благосостояния. Электоральная ситуация, сложившаяся в субрегионах области в этот период, повторяла общероссийский контекст: высокие показатели активности избирателей и доминирующее голосование за лидеров, олицетворяющих собой идеи рыночного и политического реформирования России. Так, участие в первых, проводимых на альтернативной основе выборах депутатов СССР (1989 г.) приняли 80% электората юга области, 69% избирателей Югры и 75% — Ямала. Все последующие общенациональные и региональные избирательные кампании так и не смогли достичь подобного уровня электорального участия¹. На рубеже 80-90-х гг. политические и социальные ожидания многих людей персонифицировались в фигуре Б. Н. Ельцина. На референдуме 1991 г. 74% активных избирателей на юге области, 79% — на Ямале и 80% — в ХМАО, поддержав идею «обновленной федерации», высказались в пользу необходимости поста Президента РФ. На президентских выборах 1991 г. в автономных округах поддержка электоратом Б. Н. Ельцина превысила общероссийский показатель (69% в ХМАО, 68% в ЯНАО против 57% по РФ), а на юге области составила 56%.

Выборы в Государственную Думу РФ 1993 г. проходили в условиях существенного изменения экономического, общеполитического контекста голосования и массовых настроений. Ряд новых моментов стал определять развитие общероссийской и региональной многопартийности:

— выборы показали, что в массовом сознании «реформаторы», «демократы» стали ассоциироваться с издержками «шоковой терапии», «дикой» приватизацией и падением внешнеполитического статуса России. Социальный негативизм начинает проявлять себя в отказе от голосования и в протестном голосовании за оппозиционные партии и движения;

— впервые проявился феномен «партии власти» — общественно-политического объединения, сконструированного структурами исполнительной власти накануне выборов. Позже по этому пути пойдут многие региональные лидеры, создав собственные местничковые «партии власти». В Тюменской области подобные партии не получили развитие. Все ныне действующие губернаторы округов и области победили на выборах, официально не позиционируя себя ни с одной общефедеральной партией или региональным общественно-политическим движением;

— закрепляется поляризация политических и партийных предпочтений электората и утверждается следующая формулой выборов: противостояние «партии власти» и оппозиции — националистической в 1993 г. и левой, начиная с 1995 г.

¹ Явка граждан на избирательные участки на парламентских выборах 1999 г. по сравнению с 1989 г. на юге области снизилась на 20%, на 16% — в ЯНАО и 10% — в ХМАО. Снижение электоральной активности в среднем на 5% по двум избирательным округам юга Тюменской области наблюдалось и на выборах 2003 г.

Биполяризация партийных предпочтений электората непосредственно проявилась на юге области. Парламентские выборы 1993–1995 гг, президентские выборы 1996 г. показали, что здесь в большей степени, чем в округах, выражено протестное голосование. На парламентских выборах 1993 г. оно проявилось в поддержке ЛДПР. Этой партии отдал свои голоса 21% избирателей, в то время как «Выбору России» — 13%. В 1995 г. избиратели-«южане» в первую очередь голосовали за КПРФ. Вторым оказался блок «Коммунисты — Трудовая Россия — за Советский Союз». Именно здесь коммунисты-радикалы добились одного из самых высоких результатов по стране. «Партия власти» этого избирательного цикла (движение «Наш дом — Россия»), несмотря на поддержку со стороны областной и местной административной элиты, показала только четвертый результат. Избиратели автономных округов, напротив, демонстрировали более лояльное к Кремлю голосование. Начиная с парламентских выборов 1999 г., наблюдается тенденция к сближению электоральных субкультур области и округов по такому критерию, как поддержка пропрезидентской партии. «Единство» на юге области получило больше голосов избирателей, нежели КПРФ, и даже несколько превысило показатель электоральной поддержки, полученный этим движением по стране. В 2003 г. «Единой России» отдали свои голоса уже 49% жителей юга области;

— новая институциональная формула выборов, заложенная в 1993 г., оказала непосредственное влияние на процесс партстроительства. Использование пропорциональной системы при выборе половины депутатов Государственной Думы РФ стало фактором, активизирующим появление новых партий и общественно-политических объединений. Подобное влияние института выборов на плюрализацию политического пространства прослеживается и в Тюменском регионе. Как показывает анализ материалов управления Министерства юстиции РФ по Тюменской области и автономным округам, на протяжении 90-х гг. растет число общественных объединений и отделений партий, при этом наибольшее количество зарегистрированных организаций приходится на годы проведения парламентских выборов. Так, на начало 2002 г. на юге области было зарегистрировано 120 партий и организаций политической направленности, 67 в ХМАО и 58 на Ямале.

Но парадоксальность ситуации заключается в том, что активное партстроительство в 90-х гг. так и не привело к формированию устойчивых партийных систем в регионах. Возможности партий оказывать воздействие на местную политическую жизнь в регионе намного слабее влияния губернаторов, административно-политических элит и крупных экономических структур. «Беспартийный» характер региональных и местных выборов этого периода является красноречивым свидетельством того, что эти акторы способны контролировать электоральную ситуацию, не прибегая к партийному ресурсу.

Развитие партий в регионе сдерживается рядом факторов. Одна из причин кроется в снижении общественно-политической активности населения, проявляющейся в последние годы, в отторжении значительной части населения от партий. Это можно объяснить и «усталостью» от политики, и неверием в эффективность партий как способу коллективного отстаивания своих интересов, отношением к ним как к искусственным и формальным организациям. Идея членства в какой-либо партии не популярна сегодня у граждан: в лучшем случае, они предпочитают поддержку той или иной партии на выборах оформлению своего членства и хождению на партийные собрания. Это предопределяет малочисленность большинства региональных отделений общефедеральных партий.

Другая причина, ограничивающая развитие партийных систем, кроется в неустойчивости партийных предпочтений электората. В литературе высказано мнение, что поведение российских избирателей более точно описывается не через партий-

ную идентификацию, а через фактор, обозначенный термином «меняющаяся партийная принадлежность». Под этим понимается чувство внутренней близости к определенным партиям, которое уязвимо для воздействий краткосрочных факторов [2, с. 31–32]. Размытость и неоформленность идеологических и политических предпочтений электората определяет неустойчивый характер как российской, так и региональной многопартийности. Так, результаты последних выборов в Государственную думу позволяют усомниться в том, что основные секторы электорального пространства стабилизировались. В частности, это предположение вытекало из сопоставления результатов голосования в регионе в 1995 и 1999 гг., которые свидетельствовали о достаточно постоянном проценте голосов, получаемых левыми и либеральными партиями в регионе. Но в 2003 г. электорат КПРФ на юге области сократился в два раза, а либеральных партий (СПС и «Яблока») — в три раза. ЛДПР, которая после успеха в 1993 г. теряла свой электорат от одних выборов к другим, напротив, на юге области стала второй после «Единой России». Рост проголосовавших за ЛДПР по сравнению с 1999 г. составил почти 5%.

Значимость партий в жизни региональных политий определяется не только успехами или неудачами участия в общефедеральных избирательных кампаниях, но и активностью на выборах законодательной власти и глав регионов, дающих им возможность в случае победы оказывать непосредственное влияние на стратегию развития региона. Не секрет, что в большинстве российских регионов общефедеральные партии не прошли «школу» борьбы за избирателей. Не являются исключением и субрегионы Тюменской области. Политики, участвующие в региональных выборах, вынуждены считаться с непопулярностью региональных организаций партий у населения. Они предпочитают выдвигаться от групп избирателей. Даже те, кто пользуются поддержкой определенных партий и общественных объединений, «умалчивают» об этом. Например, на выборах в Государственную Думу ЯНАО (1996 г., 2000 г.) ни один из зарегистрированных кандидатов не был выдвинут избирательными объединениями и партиями. В 2000 г. из 127 выдвинутых кандидатов о своей принадлежности к партиям заявили только 5 человек. Полностью «беспартийными» были и выборы Думы ХМАО в 1996 и 2001 гг. На последних выборах только 5 из 52 зарегистрированных кандидатов указали свою принадлежность к избирательным объединениям и партиям. Показатель «партийности» выборов депутатов областной Думы был несколько выше, нежели в округах. В 1997 г. в ходе избирательной кампании был зарегистрирован 21 кандидат от 7 избирательных объединений, в том числе от РКРП, КПРФ, НДР и «Яблока». Для первой партии выборы оказались успешными. В декабре 2001 г. только три из 60 партий и общественных объединений, имевших право участвовать в выборах, выдвинули своих кандидатов.

Самоустранение партий из регионального электорального процесса предопределило доминирование корпоративного типа голосования над идеологизированным (партийным). Под корпоративным типом голосования мы, следуя за Р. Туровским [3], понимаем электоральную поддержку представителей элитных групп (управленческих, экономических, отраслевых), когда избиратели предпочитают отдавать свои голоса своим «начальникам», «мэрам», «нефтяникам», «газовикам». Этот тип голосования определяет специфику социального состава законодательных собраний области и округов. Так, в законодательном органе ХМАО, избранном в 2001 г., 14 депутатов из 25 являются генеральными директорами, председателями совета директоров различных ОАО и ООО, еще трое — заместители генеральных директоров. В общей сложности 15 депутатов непосредственно связаны с нефтегазовыми корпорациями и обслуживающими их структурами. В Думе ЯНАО 12 депутатов из 21 возглавляют структуры, связанные с «Газпромом», фирмы и банки, из них 7 человек имеют непосредственное отношение к газовому комплексу.

В депутатском корпусе областной Думы из 25 человек к категории «генеральных директоров» относятся 9 человек, из которых 6 — непосредственно связаны с ТЭ-Ком. Из 25 депутатов областной Думы только двое шли на выборы как представители партий (РКРП и «Единая Россия»). Второй по численности стратой депутатского корпуса всех трех дум является «административно-политическая страта», представленная мэрами и депутатами, которые до момента избрания работали в администрации субъекта Федерации, возглавляли городские законодательные органы или были сотрудниками его аппарата.

Доминирование корпоративной модели голосования над партийным предопределило неполитизированное «лицо» представительных органов всех тех субъектов Федерации и уменьшило возможность появления идеологических расколов внутри законодательной элиты. Наблюдаемое в последние два года активное строительство «партии власти» на местах, ее популярность среди местного истеблишмента вносят коррективы в политическое структурирование представительных органов. «Непартийные» думы начинают трансформироваться в однопартийные. «Единая Россия» сформировала свои фракции в Думе ХМАО и в областной Думе. Хотя в Думе Ямала «единороссами» являются 3 депутата, но это единственные представители партий в ее составе.

Учитывая степень реальной вовлеченности партий в региональные электоральные процессы и влияние на принятие политических решений, можно сказать, что партийные системы, сложившиеся на сегодняшний день в субрегионах области, обладают чертами «недоразвитости» по сравнению с общероссийской системой. В частности, подобную оценку большинству региональных партийных систем дает Г. Люхтерхандт-Михалева [4, с. 146]. В этом плане Тюменский регион отличается от соседней Свердловской области, в законодательном органе власти которой феномен многопартийности ярко выражен. Подобные различия объясняются не только тем, что политическая жизнь Свердловской области и особенно ее столицы всегда отличалась активностью, но и факторами нормативно-правового характера, закрепляющими институциональные особенности выборов. При формировании нижней палаты регионального законодательного собрания здесь давно используется система выборов депутатов по спискам партий. Известно, что использование «списочной системы» на региональных выборах стимулирует создание партий, активизирует их деятельность в работе с населением, «заставляет» определяться с идеологией, программами и, как полагают некоторые исследователи, ограничивает возможности использования административного ресурса.

Влияние институционального фактора на развитие многопартийности имеет и другие проявления. В частности, в литературе неоднократно высказывалось мнение, что отсутствие в электоральном законодательстве 90-х гг. четкого определения партии (субъектами электорального процесса признавались избирательные объединения и блоки), так же как отсутствие и собственно закона о политических партиях стали факторами, сдерживающими развитие устойчивых партийных систем [4, с. 145; 5, с. 27]. В этом плане новый нормативный контекст деятельности партий, который был определен Федеральным Законом «О политических партиях» (2001 г.) и обновленной редакцией Федерального Закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдумах граждан Российской Федерации» (2002 г.), призван «оживить» партийную жизнь в регионах. Для региональных отделений партий принципиальное значение имеет пункт 16 статьи 39 Закона «Об основных гарантиях избирательных прав...», который, в частности, устанавливает обязательное использование списочной системы при выборах представительных органов субъектов Федерации, что ориентирует партии на выполнение своей непосредственной функции по мобилизации электората. Обозначилась тенденция к сокращению числа миноритарных партий, что также может придать региональным партийным сис-

темам меньшую атомизированность. Так, в 2003 г. на юге области прошли перерегистрацию 28 региональных отделений партий, в ХМАО — 20, в ЯНАО — 12.

В то же время избирательный потенциал является проблемой большинства региональных и местных отделений партий. Под избирательным потенциалом мы понимаем способность партии обеспечить победу своих кандидатов на выборах. Он определяется тем, какие ресурсы партия способна задействовать: организационные (сплоченность и профессионализм «штабов», широкая сеть партячеек), финансовые, административные, информационные, идеологические (программа, идеологические символы), PR-технологии. В избирательный потенциал может трансформироваться популярность политического лидера, его персональные качества, харизматичность. Наконец, избирательный потенциал определяется готовностью избирателей поддерживать эту партию, что, в свою очередь, производно от вышеперечисленных факторов. Но, учитывая фактор деполитизации населения, низкую популярность местных отделений партий, их приход в структуры региональной и местной власти, скорее всего, будет определяться поддержкой властей и экономических акторов. Беря во внимание ориентированность региональных элит на Кремль, естественно ожидать, что под выборочное покровительство попадут региональные отделения «партии власти».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайрулин Р. А. Из истории народного фронта Тюмени // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформация общества: опыт уходящего столетия / Под ред. А. А. Штырбула. Ч. 2. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 146–152.
2. Мелешкина Е. Ю., Анохина Н. В. Электоральное поведение россиян как модель «воронки причинности» // Полития. 2001–2002. № 4 (22). С. 25–43.
3. Туровский Р. Ф. Выборы законодательных собраний в 1997 г. // Политические процессы в регионах России / Отв. ред. Р. Ф. Туровский. М.: Центр политических технологий, 1998. С. 182–245.
4. Люхтерхандт-Михалева Г. Избирательный процесс и партии в российских регионах // Выборы и партии в регионах России / Под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой. М.; СПб.: ИГПИ; Летний сад, 2000. С. 142–169.
5. Гельман В. Изучение выборов в России: исследовательские направления и методы анализа // Выборы и партии в регионах России / Под ред. Г. Люхтерхандт-Михалевой. М.; СПб.: ИГПИ; Летний сад, 2000. С. 12–43.

Игорь Геннадьевич ШИШКИН —
доцент кафедры документоведения,
историографии и источниковедения
факультета истории и политических наук,
кандидат исторических наук

УДК 94(47157):930

ПУТИ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ XV–XVII ВВ.

В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОНЦА XX В.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена раскрытию основных тенденций в новейшей отечественной исторической науке по вопросу о генезисе российской государственности XV–XVII вв.

The author tackles new tendencies in historical studies in contemporary Russia connected with the issue of the genesis of statehood in the XV–XVII century Russia.